

Правда, 1964, 9 марта

Неиссякаем, как Днепр

Чингиз АЙМАТОВ

Не приходилось мне еще бывать на Днепре. Но всякий раз, когда услышишь или встретишь в строке это слово, испытываешь необъяснимую нежность, какие-то необыкновенно высокие чувства к этому краю, к его людям, к украинской речи. Там жил кобзарь.

Впервые я узнал о Днепре не из учебника географии, а из поэзии Тараса Шевченко. И опять же не из книги. Мальчишкой услышал однажды песню на окраине села в поле. То пели украинцы о Днепре. Песня была земная и в то же время поразительно возвышенная, в ней ревел и стонал Днепр, как бунтарский дух народа, в ней были боль, мужество и страдания человека. Позже я узнал: ее написал Тарас Шевченко. Вот так, вдали от Украины, где-то в Средней Азии, он жил неотделимо от жизни, в устах, в душе народа. С тех пор в моем представлении Шевченко и Днепр — два родных брата, две могучие стихи — гениальный поэт и великая украинская река. И чем дальше с годами, тем больше раскрывалось перед мысленным взором величие Тараса Шев-

ченко — художника огромного таланта, революционного глашатая свободы и равенства людей, подлинного гуманиста и национального героя украинского народа.

И сейчас, когда думаешь о судьбе славного кобзаря, о пережитой им жизни, о муках, унижении и насилии над ним, гордишься его титанической волей и безграничной верой в силу народа и еще раз до боли в сердце, до слез убеждаешься, насколько чужда была царская действительность истинным талантам, насколько она была бесчеловечна и антинародна. Что могло быть более преступным, более прогивоественным актом по отношению к мыслящей России, нежели изгнание великого народного поэта Шевченко в пустынный и дикий край, где он провел десять лет беспросветной солдатчины! И в этом же — бессилие, глупость царских сатрапов: разве можно было заставить замолчать кобзаря, разве можно было заковать в кандалы Днепр!

Нет, Шевченко бессмертен во все времена.

Он велик, как Днепр.

Он вечен, как Днепр.

Он неиссякаем, как Днепр.

г. Фрунзе.